

СОДЕРЖАНИЕ

Благодарности 9

Общие вещи: введение 15

1. Жизнь 96

2. Призраки 112

3. Субцендентность 204

4. Вид 239

5. Сродность 267

Стражам воды посвящается

БЛАГОДАРНОСТИ

Я бы хотел поблагодарить своего редактора Федерико Кампанья за его невероятную проницательность и помощь. Он так глубоко работал с моей книгой, меняя ее к лучшему, что я навеки в долгу перед ним.

Мои научные ассистенты Кевин Макдоннел и Рэнди Михайлович неустанно трудились, помогая мне завершить рукопись. Кроме того, Кевин уже два года работает моим ассистентом, и благодаря ему моя научная жизнь заметно улучшилась. Кевин, спасибо тебе за все!

Николас Шамвей, декан факультета гуманитарных наук в Университете Райса, заслуживает особого упоминания за его непоколебимую веру в то, что я делаю. Я навеки в долгу перед ним.

Многие делились со мной своими мыслями и предложениями, были добры ко мне и поддерживали меня. Среди них Блейз Агуэра-и-Аркас, Хейтам Аль-Сайед, Иэн Бальфур, Эндрю Батталья, Анна Бернагоцци, Дэниел Бирнбаум, Ян Богост, Таня Бонакдар, Маркус Бун, Доминик Бойер, Дэвид Брукс, Алекс Чекетти, Стивен Кайрнс, Эрик Каздин, Иэн Ченг, Кари Конте, Кэролин

Деби, Найджел Кларк, Джулианна Коуп, Лора Копелин, Энни Калвер, Сара Эллецвайг, Олафур Элиассон, Анна Энгберг, Джейн Фарвер, Дирк Феллеман, Жоао Флоренсиу, Марк Фостер Гейдж, Питер Гершон, Хейзел Гибсон, Йога Йохансдоттир, Йон Гнарр, Кейтлин Грэй, Софи Греттве, Лиззи Гринди, Бьерк Гудмундсдоттир, Зора Хамса, Грэм Харман, Розмари Хеннесси, Эрих Херль, Эмили Хоулик-Ритчи, Каймен Хоув, Эдуард Исар, Люк Джонс, Тоби Кэмпс, Грег Линдквист, Энни Леве, Ингрид Люквит-Гад, Карстен Лунд, Боян Манчев, Кенрик Макдауэлл, Трейси Мур, Рик Мюллер, Жан-Люк Нанси, Джуди Нейтал, Патрисия Ноксоло, Ханс-Ульрих Обрист, Дженезис Пи-Орридж, Сольвейг Овстенбо, Андреа Пагнес, Альберт Поуп, Асад Раза, Александр Реджир, Бен Риверс, Джудит Руф, Дэвид Рюй, Марк Шманко, Сабрина Скотт, Николас Шумвэй, Сольвейг Сигурдардоттир, Эмилия Шкарнулите, Гаятри Спивак, Хаим Штейнбах, Верена Стенке, Сэмюель Стоэлтье, Сьюзан Саттон, Джефф Вандермеер, Лукас ван дер Вельден, Теодора Викстром, Дженнифер Уолши, Сара Витинг, Клинт Уилсон, Том Уискомб, Сьюзан Вицгалл, Кэри Уолфи, Аннет Вольфсбергер, Хейсу Ву, Мартин Вудвард, Эльс Вудстра и Йонас Жукаускас.

И огромное спасибо всем, кто посещал семинары и лекции на протяжении последних двух лет. Разговоры с вами — это моя лаборатория, и без вас я бы не знал того, что я знаю сейчас.

С годами стало ясно, что, если бы не мои многочисленные встречи с Джарродом Фоулером, количество написанного мной было бы гораздо меньше. Я более чем признателен ему за то, что он неустанно закачивал концептуальный кварцевый порошок в мою голову. Многими мыслями, изложенными в этой книге, я обязан работам моего друга Джеффри Крипала о паранормальном и священном.

Когда я писал эту книгу, коренной народ и некоренной народ, солидарный с ним, боролся с военизированными силами петрокультуры, чтобы не дать нефтепроводу Dakota Access в Соединенных Штатах уничтожить все виды народов, человеческих или нет. Они называют себя Стражами Воды. Эта книга посвящается им.

Было время, когда люди воображали Землю центром вселенной. Они думали, что звезды, большие и малые, были сотворены лишь для их удовольствия. По их тщеславному разумению, высшее существо, утомившись от одиночества, создало огромную игрушку и отдало ее им во владение...

Человек произошел из чрева Матери-Земли, но он этого не знал и не признавал ту, которой был обязан своей жизнью. Увлеченный собой, он искал свое предназначение в вечности, и из его усилий возникла унылая теория, что он не связан с Землей, что она лишь временное пристанище для его чванливых ног и что у нее нет ничего, кроме искушения уничтожить его.

Эмма Гольдман и Макс Багинский.
«Мать-Земля»

Боже, какие у тебя забавные игрушки.
Репликант Рой. «Бегущий по лезвию»
(реж. Ридли Скотт)

ОБЩИЕ ВЕЩИ: ВВЕДЕНИЕ

Тот, кто отсекает себя от Матери-Земли
и ее обильных жизненных ресурсов,
отправляется в изгнание.

Эмма Гольдман

ПРИЗРАК преследует призрак коммунизма — призрак нечеловеческого. В «Роде человеческом» будет показано, что человеческий вид — жизнеспособная и важная категория для размышления о коммунистической политике, такой политике, которая в этой книге рассматривается не просто как интернациональная по своему охвату, но и как *планетарная*. Под этим имеется в виду, что коммунизм работает только тогда, когда его экономические модели мыслятся как настроенность с фактом жизни в биосфере, фактом того, что я называю «симбиотическим реальным».

Симбиотическое реальное — это странное «имплозивное целое», в котором сущности связаны не тотальным, рваным образом. (Я буду давать определение «имплозивному холизму» на протяжении всей книги.) При симбиозе неясно, кто главный симбионт, а отношения между симбиотическими существами неровные, неполные. Служу ли я простым носите-

лем для многочисленных бактерий, населяющих мой микробиом? Или это они дают мне пристанище? Кто хозяин, а кто паразит? Термин «хозяин» (host) происходит от латинского *hostis* — слово, которое означает одновременно и «друг» и «враг»¹.

Например, треть человеческого молока не усваивается ребенком, и это молоко питает бактерии, которые покрывают кишечник защитной пленкой, дающей иммунитет². Когда ребенок рождается вагинальным путем, он получает все виды иммунитета с помощью бактерий, населяющих микробиом его матери. В геноме человека имеется ретровирус-симбионт, называемый ERV-3, который кодирует иммуносупрессивные свойства плацентарного барьера. Вы читаете это, потому что вирус в ДНК вашей матери не позволил ее организму самопроизвольно аборттировать вас³. Ослабленная связь симбиотического реального влияет на другие категории бытия,

1. Примечательно, что это очень хорошее литературно-критическое эссе, которое разъясняет этот вопрос лучше всего: J. Hillis Miller, "The Critic as Host," *Critical Inquiry* 3:3 (Spring 1977), 439–447.
2. Bruce German, Samara L. Freeman, Carlito B. Lebrilla and David A. Mills, "Human Milk Oligosaccharides: Evolution, Structures and Bioselectivity as Substrates for Intestinal Bacteria," *PMC*, April 29, 2010, ncbi.nlm.nih.gov, accessed November 8, 2016.
3. Mark T. Boyd, Christopher M. R. Bax, Bridget E. Bax, David L. Bloxam and Robin A. Weiss, "The Human Endogenous Retrovirus ERV-3 is Upregulated in Differentiating Placental Trophoblast Cells," *Virology* 196 (1993), 905–09.

такие как язык. Открывая и закрывая губы вокруг соска при сосании, млекопитающие издают звук [м], который, несомненно, лежит в основе таких слов, как «мама». Эти слова похожи на звуки нечеловеческих млекопитающих, вроде кошек, чье мяуканье также вызывает это действие, знак, который они учатся использовать чаще во взрослом состоянии, когда живут с людьми.

Зависимость — непростое топливо для симбиотического реального; такая зависимость всегда имеет свой призрачный аспект, поэтому симбионт может стать токсичным или могут сформироваться непривычные отношения, — таким образом и происходит эволюция. Правильное слово для описания этой зависимости между дискретными, но тесно взаимосвязанными существами — «солидарность». Без изорванной неполноты симбиотического реального на всех уровнях солидарность не имела бы смысла. Солидарность возможна и широкодоступна, потому что она является *феноменологией симбиотического реального* как такового. Солидарность — это то, как симбиотическое реальное манифестируется, шум, который оно производит. Кроме того, солидарность работает только тогда, когда она мыслится в этом масштабе.

При этом «Род человеческий» выступает против того, чтобы исключать нелюдэй (то есть «окружающую среду» или «экологические проблемы») из областей мысли, намеченных академическими новыми левыми с сере-

дины 1960-х годов. Причина этого исключения связана с доминирующим гегельянским течением внутри этих областей, «сильным корреляционизмом», который теперь уже перестал быть тактически полезным. Полезность состояла в том, что сильный корреляционизм помог очертить необходимые круги вокруг белых западных культур, подрезав крылья их идеологическому чувству вездесущности, всеведения и всемогущества. Идея, которая выдвигается в «Роде человеческом», до недавних пор оставалась в руках консервативных сил, противостоящих «культурному релятивизму» и «теории». Уступать же силам реакции целый регион — причем очень крупный — тактически неверно.

Для того чтобы выйти за пределы гегелевского культуралистского подхода, нужно предпринять ряд любопытных, неочевидных шагов, которые отпугнут некоторых читателей. Вполне возможно, что эта книга выведет вас из себя. Подзаголовком могло бы быть: «Да, можно включить нечеловеческих существ в марксистскую теорию, но вам это не понравится!».

ГДЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОЕ МЕСТОИМЕНИЕ?

Уже сейчас должно быть очевидным, что одним из главных врагов того, что я здесь называю «родом человеческим» (humankind), является *сама человечность* (humanity). Постпросвещенческая мысль была права, пойдя войной против этого

антагониста так называемой Природы, тусклой сущности, состоящей из белой маскулинности. (Я пишу слово «Природа» с заглавной буквы, чтобы денатурировать ее, подобно жареному яйцу, обнажив ее искусственную сконструированность и взрывную целостность.) Род человеческий яростно противостоит как Человечности, так и Природе, которая всегда была овеществленным искажением симбиотического реального. (Теперь я начну писать «Род человеческий» с заглавной буквы по тем же причинам, по которым я это делаю с «Природой».) Поскольку планетарное сознание с головокружительной скоростью продолжает препятствовать распространению диады Человечность — Природа, возникает искушение писать эпические книги, обманчиво адресованные всем людям во все времена, которые предсказуемо приводят аргументы в пользу телеологического объяснения ускорения успешного и поступательного движения к трансгуманистической сингулярности электронных расширений сущности Человечности⁴. Такие книги популярны во всем мире, потому что они *препятствуют* истинному экологическому сознанию.

Род человеческий — это экологическая сущность, которую можно обнаружить в симбиозе

4. Yuval Noah Harari, *Sapiens: A Brief History of Humankind* (New York: Harper, 2015); Юваль Ной Харари, *Sapiens: краткая история человечества* (Москва: Синдбад, 2016).

тическом реальном. Могу ли я дать ему слово в этой книге?

Нет местоимения, полностью подходящего для описания экологических существей. Если я называю их «я», то я апроприрую их себе или какому-то пантеистическому понятию или идее Геи, которая поглощает их всех, независимо от специфики. Если я называю их «ты», я отделяю их от тех существей, которыми являюсь я. Если я называю их «он» или «она», я наделяю их гендерной идентичностью в соответствии с гетеронормативными принципами, которые несостоятельны с точки зрения эволюции. Если я называю их «оно», то я не думаю, что они такие же люди, как я, и в этом я нарочито антропоцентричен. По иронии судьбы, рассуждая об экологии, принято говорить в терминах «оно» и «они», абстрактных популяций, лишенных обличья. Этический и политический дискурс либо становится невозможным, либо начинает звучать как глубоко фашистская биополитика. Люди даже о людях говорят таким образом: «племя человеческое» — это недифференцированное «оно». Опираясь только на биологию, можно определить людей как лучших среди млекопитающих в метании и потоотделении⁵.

5. Felipe Fernández-Armesto, *So You Think You're Human? A Brief History of Humankind* (Oxford and New York: Oxford University Press, 2004), 54.

И не дай бог я назову их «мы» из вежливой академичности. Что я делаю, говоря так, будто мы все принадлежим друг другу, независимо от культурных различий? Что я делаю, распространяя эту принадлежность на нелюдёй, как какой-то хиппи, который никогда не слышал, что таким образом он апроприирует Другого? Как один респондент съехидничал несколько лет назад: «Кто такие „мы“ в прозе Мортонa?»

Если грамматика противостоит языковому выражению экологических сущностей на таком базовом уровне, на что здесь можно надеяться?

Я не могу назвать экологическое подлежащее, но это именно то, что от меня требуется. Я не могу назвать его, потому что язык и, в частности, грамматика — это застывшие человеческие мысли: мысли, например, о людях и нелюдях. Я не могу сказать «оно», в отличие от «он» или «она», как я только что пояснял. Я не могу сказать «мы». Я не могу сказать «они».

Конечно, в некотором смысле я могу говорить о формах жизни, если я проигнорирую самый интересный вопрос, а именно: как мне сосуществовать с ними? До какой степени? Каким способом или способами? Например, я могу заниматься биологией. Но если я биолог, я основываю свои исследования на существующих допущениях относительно того, что считается живым. И имплицитно, в качестве возможного условия для науки как таковой, я говорю в клю-

че «оно» и «они», а не в ключе «мы». И так, я не устранил проблему.

Прямо сейчас, в моей академической области мне нельзя любить песню «Мы все земные обитатели», ту, что поют Маппеты, не говоря уже о том, чтобы исполнять ее как гимн биосфере. Я должен осудить ее как глубоко белую и западную и как апроприирующую коренные культуры и безрассудно игнорирующую расовые и гендерные различия. Я пытаюсь сделать академическое поле безопасным пространством, в котором можно любить песню «Мы все земные обитатели». Это сводится к тому, чтобы серьезно задуматься о том, кто же такие «мы».

По иронии судьбы те представители гуманитарных и социальных наук, которые впервые заговорили об экологии, на самом деле испытывали глубокую неприязнь к теории. Они ухватились за экологические темы, чтобы перепрыгнуть через то, что им не нравилось в современной академии и что было тем, что всегда нравилось мне самому и чему я люблю учить других: изучение того, как конструируются тексты и другие культурные объекты, какое огромное влияние раса, пол и класс оказывают на их конструирование и пр. Они писали так, будто разговоры о лягушках — это способ избежать разговоров о гендере. Но у лягушек тоже есть гендер и сексуальность. У лягушек есть и конструкции: они смотрят на мир определенным образом, их геном экспрессируется

(«целенаправленно», «творчески» или нет) за пределы их тел. Станным образом, первые экокритики в то время сами говорили о нелюдях в ключе «оно»! Проводя четкое разграничение между искусственным и естественным, они продолжали оставаться внутри пространства антропоцентрической мысли. Человеческие существа изобретательны, нечеловеческие существа стихийны. Человеческие существа — люди; нечеловеческие же во всех отношениях и с любой точки зрения — машины. Экокритики ненавидели меня за то, что я это говорил.

Я не играю в мяч ни с одним из этих разделов музыкального магазина популярных интеллектуальных мнений. Я не собираюсь перепрыгивать через теорию. Я не собираюсь держать свою ловушку закрытой для кораллов. Я снова стану демоном и буду настаивать на том, что марксизм может распространяться на нелюдэй — *должен* распространяться на нелюдэй.

ЧТО НАРУШАЕТ ПОКОЙ МАРКСА?

Экономика — это то, как формы жизни организуют свое удовольствие. Вот почему *экологию* раньше называли *экономикой природы*⁶. Когда вы думаете об этом таким образом, из экономической дисциплины оказываются исключенными нечеловеческие существа — способы того,

6. Этот термин был введен Эрнстом Геккелем в 1866 году.

как мы и они организуем удовольствие в отношении друг друга. Если мы хотим организовать коммунистическое удовольствие, нам придется включить нечеловеческих существ.

В капиталистической экономической теории дела со включением нелюдѐй обстоят еще хуже. Все, что, как считается, находится за пределами человеческого социального пространства, будь то живое или неживое (реки или панды), считается просто «внешним фактором». И их невозможно включить, не воспроизводя при этом оппозицию внутреннее-внешнее, несостоятельную в эпоху экологического сознания, в которой такие категории, как «вовне» (away), испарились. Ты не выкидываешь фантик от конфет куда-то, ты бросаешь его на Эверест. Капиталистическая экономическая теория — это антропоцентрический дискурс, который не способен учесть как раз то, что необходимо для экологической мысли и политики: нечеловеческие существа и непривычные временные масштабы⁷.

Марксизм здесь не исключение. В то же время я намерен показать, что в своих теориях отчуждения и потребительной стоимости марксизм предлагает больше возможностей для включения нелюдѐй, чем капиталистическая теория. Такие понятия не настолько критично зави-

7. Eric Posner and David Weisbach, “Public Policy over Massive Time Scales” (lecture), *The History and Politics of the Anthropocene*, University of Chicago, May 17–18, 2013.

Конец ознакомительного фрагмента.
Приобрести книгу можно
в интернет-магазине
«Электронный универс»
e-Univers.ru